

Заключительное слово

Наша панель выполнила свою задачу: предоставила возможность высказать свое понимание нынешнего положения и перспектив России ряду крупных специалистов, занимающих различные позиции, придерживающихся различных мировоззрений, что как раз и свидетельствует о соблюдении принципов свободного научного обсуждения. Во всяком случае, это не псевдодискуссия в политическом клубе единомышленников того или другого направления.

В выступлениях ряда участников нашей панели звучала тревога по поводу того, что и как происходит в России, отразилось трагедийное представление об этом пути. Вы могли заметить по нашей прессе, публицистической и научной, что трагедийность представлений о происходящем в России и ее возможном будущем становится все более широко и сильно выраженной. Александр Зиновьев и Виталий Третьяков, Глеб Павловский и Владимир Максимов, Сергей Кара-Мурза и ряд других ученых и публицистов понимают жизнь по-разному, но сходятся в одном — в трагедийной оценке совершившегося и возможного будущего. Единичные голоса представителей этого направления звучали на нашем симпозиуме в 1993 г. Их стало несколько больше на нынешней встрече. Однако, на мой взгляд, участие представителей разных взглядов на наших симпозиумах в будущем должно быть все же более полным.

В обществе растет понимание того, что случившиеся в Советском Союзе на грани 80-х — 90-х годов перемены оказались не "движением вперед по пути прогресса" и тем более не "приобщением к современной цивилизации" (как уверяли реформаторы), а катастрофой. Разрушение производительных отраслей народного хозяйства само по себе превращает страну в сырьевой придаток развитых стран. Одно это обстоятельство радикально меняет не только положение страны в мире, но и положение внутри страны, включая социальную и политическую ситуацию, возможности и характер культурного развития и многое другое. Не случайно, что даже такие активные поначалу деятели рыночных реформ, как С.Ю.Глазьев, отказались от участия в них, как только поняли их направленность, а затем стали их решительными критиками. Статья Глазьева "Неужели это и есть выбор России?" * содержит достаточно убедительные доказательства активного процесса деиндустриализации, который с неизбежностью ведет "к прекращению существования России как экономически самостоятельного государства", а тем самым и политически ставит ее в зависимость "от иностранного капитала".

В конце 50-х годов историки отвергли взгляд на дореволюционную Россию как на колонию западного капитала. Это было не

* Независимая газета. 1994. 11 ноября.

столько результатом анализа ее объективного положения в системе мировых экономических и политических отношений, сколько отражением настроений общественного подъема и социалистических надежд после XX съезда партии, после запуска "спутника" и пр.* Пожалуй, назрела необходимость вернуться к обсуждению этого вопроса. Если происходящий сейчас развал хозяйственного и культурного потенциала не будет остановлен, то придется согласиться с А.А.Зиновьевым в том, что высшее развитие России, ее наибольшие успехи и достижения, несмотря на все трагические потери, приходятся на советское время.

В данном случае речь идет отнюдь не о патриотических темах ("держава", "подвиги отцов" и т.п.), а совсем о другом — о том, что страна и живущие в ней люди в массе своей поставлены в условия выживания, когда деформируются и извращаются все социальные отношения, обнаруживается деградация культуры, возникают явные признаки депопуляции. Разгром системы здравоохранения и народного, особенно всеобщего школьного, образования стали наиболее наглядными показателями разрушения возможностей нормального развития общества как определенной совокупности людей. Но основой всего, конечно, явился развал именно тех отраслей экономики, которые связаны с жизнеобеспечением людей, — пищевой и легкой промышленности, в особенности же сельского хозяйства.

В современной политике и публицистике все внимание сосредоточено на судьбе передовых, наукоемких отраслей промышленности, в первую очередь военно-промышленного комплекса. Но основой жизни общества являются отрасли народного хозяйства, работающие на удовлетворение непосредственных потребностей человека, а они-то оказались разрушенными в первую очередь и в наибольшей степени. Угроза голода, казавшаяся в 1993 г. гипотетической**, в 1995 г. приблизилась вплотную. Если судить по обеспеченности сельского хозяйства всем необходимым для проведения полевых работ, то страна не сможет ни засеять, ни убрать урожай на площадях, соответствующих ее потребностям. По данным, оглашенным министром сельского хозяйства А.Назарчуком, сельскохозяйственные производители в 1994 г. закупили всего 22 тыс. тракторов, тогда как в 1990 г. — 148 тыс. Не лучше и все другие показатели***. Возникает ощущение, что беда уже стучится в наши двери. И тогда нам никто не сможет помочь, или же это будет такая помощь, которая не сулит ничего хорошего.

Случилось так, что месяц тому назад (в ноябре 1994 г.) я побывал в ряде университетов Германии и выступал по весьма давним проблемам истории российской и советской деревни. Тем не менее неизбежно заходила речь и о современном сельском хозяйстве России. Не однажды я слышал там такие суждения: "Что ж, Запад может прокормить Россию, лишь бы она была в состоянии оплачивать поставки продовольствия, хотя бы газом, нефтью и пр." Суть моих ответов была такова: "Понятно. Запад может прокормить Африку, но

* См.: *Граеве Б.Б.* Была ли царская Россия полуколонией? // Вопросы истории. 1956. № 6. С.63—74; Тарковский К.Н. Советская историография российского империализма. М., 1964. С.194—223.

** См.: Куда идет Россия: альтернативы общественного развития. М., 1994. Вып. I. С. 136.

*** См.: Правда. 1995. 14 февраля.

ей нечем платить, и поэтому там постоянным бедствием стал голод. Наши политики до сих пор видели для себя образец в Пиночете как "борца за демократию" и предлагали для России вариант латиноамериканского развития. Об африканизации же России речь пока еще не шла. Но если политика по отношению к сельскому хозяйству и, вообще, отраслям производства, связанными с жизнеобеспечением населения, не изменится, если, следовательно, политика псевдореформ будет продолжена, то России придется пережить и опыт африканизации".

В этой связи хотелось бы возразить против прозвучавшего в одном из докладов утверждения о "реалистической" возможности "сценария умеренного авторитаризма, своего рода полуавторитарной, полудемократической эволюции", якобы противостоящей сценариям "интенсивного авторитаризма".

Не могу не обратить внимания на терминологические "достижения" авторов: не жесткая, тем более не жестокая, кровавая и т.п. диктатура, а всего-навсего "интенсивный авторитаризм". Неужели авторы не отдают себе отчета в том, что они заговорили на языке служителей недавних "интенсивных авторитаризмов": "окончательное решение еврейского вопроса", "враги народа", "спецпереселенцы"...

Теперь о "полуавторитарной-полудемократической эволюции". Понятия авторитаризма (т.е. диктатуры) и демократии несовместимы ни в полном, ни в половинном объеме. В данном случае авторы вольно или невольно становятся в ряды идеологических оправдывателей всего происходящего.

Удивительна стремительность перерождения политической идеологии российского "либерализма", с такой выразительностью показанная в выступлении М.Ферретти. Я целиком согласен с ее анализом и оценкой попыток объяснить и оправдать это перерождение рассуждениями о "неподготовленности народа к свободе, демократии". Как русский историк, добавлю, что к этому аргументу свыше 200 лет тому назад прибегала Екатерина II. Но в устах "матушки-императрицы" такое суждение звучало не столь подло, как у нынешней интеллигенции, — она все же пришла к власти не с кличем "Даешь демократию!".

Сказанное вовсе не означает, что в докладе, о котором идет речь, для меня все неприемлемо. Я полностью согласен с докладчиками в оценке реформаторской деятельности Горбачева и Ельцина как по существу совпадающей, различающейся лишь в откровенности и радикализме.

Конечно, положение генсека Коммунистической партии сковывало возможности "реформаторских" высказываний и действий М.С.Горбачева. Генсек компартии не мог быть "капитализатором". Он мог лишь обладать демократическими наклонностями и уступать давлению мнений и рекомендаций разных комиссий, совещаний. Организация же нужных мнений и рекомендаций в аппарате КПСС была отработана до совершенства. Как она использовалась на практике, мне довелось видеть в августе 1990 г. на встрече генсека с Комиссией по вопросам аграрной реформы (о ней я немного говорил на прошлом симпозиуме*). Собравшихся перед залом заседаний Секретариата ЦК КПСС обходил завсельхозотделом ЦК КПСС И.И.Скиба и с

* См.: Куда идет Россия: альтернативы общественного развития. С. 131.

каждым в отдельности о чем-то обменивался двумя-тремя фразами. Мне он доверительно сказал, что я могу получить слово для выступления, если выскажусь за введение частной собственности на землю и включение ее в товарный оборот. Услышав в ответ, что я против того и другого, Скиба сразу утратил ко мне интерес и тут же с той же доверительностью повел разговор с кем-то другим. На заседании выступавшие уверяли в необходимости частной собственности на землю и в своем единодушии с генсеком, выразившим при открытии встречи сожаление, что нет у него такого орудия земельных реформ, каким располагал Столыпин, — землеустроительных комиссий. Их поддержал оказавшийся там Н.И.Шмелев, горячо требовавший перехода от слов к делу. Лишь иронические, а часто и резковатые реплики В.А.Стародубцева противостояли организованному "давлению" мнений и рекомендаций на генсека, который соглашался с каждым (впрочем, не исключая и Стародубцева). Большинство членов Комиссии оказались лишь слушателями. Встреча явно не удалась. Неудивительно, что больше времени у Горбачева для разговора с Комиссией не нашлось. Дальнейшее обсуждение реформ генсек вел уже в связи с проектами "400... 500... 10000 дней"... перехода в "цивилизованный" мир.

Иной была манера деятельности Б.Н.Ельцина. Ее выделяла прежде всего быстрота и радикализм. Никаких обсуждений, особенно с участием инакомыслящих. Все уже ясно. Решения принимаются сразу и в полном объеме. 22—23 ноября 1990 г. Верховный Совет РСФСР (разогнанный 3—4 октября 1993 г.) практически без обсуждений проштамповал законы "О крестьянском (фермерском) хозяйстве" и "О земельной реформе". Реального значения эти законы не имели, да и предназначены были лишь для демонстрации готовности осуществить рыночные реформы раньше и радикальнее, нежели М.С.Горбачев. Не случайно в современной литературе уже появились определения современных экономических реформ как "реформ Горбачева—Ельцина".

Заслуживает обсуждения и вопрос о начале слома советской общественной системы. Докладчики связывают его с XIX партконференцией (весна 1988 г.). На мой взгляд, принятые тогда решения не вели с однозначной обязательностью к тому, что практически началось в следующем, 1989 г., с весенних выборов "народных депутатов" СССР и первого их съезда, казавшихся многим, включая автора этих строк, "прорывом к демократии", к действительному народовластию... Однако в главном я солидарен с докладчиками: слом советской общественной системы был практически начат горбачевским руководством.